

УДК 343.2
ББК 67.408

А. С. Сенцов, В. А. Волколупова

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ФОРМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются общетеоретические подходы к определению понятия уголовной политики и современных форм ее реализации. На основе проведенного анализа имеющихся в уголовно-правовой доктрине научных взглядов по рассматриваемым проблемам авторы определяют свою позицию относительно ключевых вопросов темы с учетом наметившейся тенденции либерализации уголовной политики.

В работе затрагиваются теоретические вопросы взаимосвязи уголовной политики и уголовной ответственности, а также проблемы соотношения стабильности и динамизма уголовного законодательства Российской Федерации на современном этапе развития страны. Обосновываются идеи о целесообразности разграничения понятий «уголовная политика» и «реализация уголовной политики» и ее соотношении с другими видами правовой политики в сфере противодействия преступности. В работе на основе проведенного углубленного анализа существующих в уголовно-правовой доктрине теоретических подходов уточняются и формулируются такие понятия, как «уголовная политика», «реализация уголовной политики», «форма реализации уголовной политики».

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, уголовная ответственность, криминализация, преступление.

A. S. Sentsov, V. A. Volkolupova

GENERAL-THEORETICAL APPROACHES TO THE DETERMINATION OF THE CONCEPT OF CRIMINAL POLICY AND FORMS OF ITS IMPLEMENTATION AT THE PRESENT STAGE

The article deals with general-theoretical approaches to the definition of the concept of criminal policy and modern forms of its implementation. On the basis of the analysis of the scientific views on the problems to be considered in the law doctrine the authors of the article determine their point of view on the key issues taking into account the appearing trend of liberalization of criminal policy.

The authors also consider theoretical issues related to the interrelationship of criminal policy and criminal responsibility as well as the problems of correlation of stability and dynamism of the criminal legislation of the Russian Federation at the present stage of Russia's development. The authors prove the idea of the expediency to distinguish the concepts of «criminal policy» and «implementation of criminal policy» as well as the relation of criminal policy to other types of legal policy in the sphere to counteract crimes.

In the given article on the basis of a detailed analysis of the theoretical approaches existing in the criminal-legal doctrine the authors specify and formulate such concepts as «criminal policy», «criminal policy implementation» and «form of criminal policy implementation».

Key words: criminal policy, criminal law, criminal liability, criminalization, crime.

Уголовная политика как объективно обусловленное социальное явление подлежит познанию и теоретическому осмыслению, исходя из общего содержания единой политики.

На современном этапе развития России уголовная политика, являясь структурным элементом единой политики, на наш взгляд, может быть определена как генеральная линия, выработанная российским государством в сфере противодействия преступности и отраженная в виде руководящих идей, директив и установок, определяющих задачи, основные направления, содержание и формы деятельности государственных органов и общественных организаций

в этой сфере, имеющих своей целью последовательное сокращение совершаемых преступлений.

Сегодня проблемам уголовной политики уделяют все более пристальное внимание российские правоведы. Они успешно разрабатывают ее теоретические основы (А. Н. Александров, М. М. Бабаев, А. И. Бойко, Н. А. Лопашенко, А. В. Наумов, Э. Ф. Побегайло, Б. Т. Разгильдиев и др.) [1; 2].

Современная политика должна объективно отражать состояние, структуру и динамику преступности и на этой основе определять весь комплекс специальных мер, применяемых в целях усиления противодействия ей. На базе выработанных ею общих положений

формируется и развивается не только действующее уголовное законодательство и практика его применения, но и другие отрасли права, образующие уголовно-правовой комплекс (уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право), а также деятельность всех государственных органов и общественных организаций, в задачи которых входит противодействие преступности.

Определяя уголовную политику, большинство криминалистов рассматривают ее как составную часть общесоциальной политики [3; 4]. Однако некоторые авторы (Н. А. Беляев, Н. И. Загородников и Н. А. Стручков) [5; 6; 7], изначально также относившие уголовную политику в число структурных элементов социальной политики, пришли к выводу о том, что она не может быть ограничена рамками только социальной политики, а представляет собой самостоятельный элемент общей, единой политики, «в рамках которого формулируются исходные требования борьбы с преступностью» [8, с. 49]. А. И. Александров высказывает мысль о том, что «существует единая уголовная политика — политика в области борьбы с преступностью при помощи уголовного наказания, отражающая отношение власти к преступности, и пять ее составляющих частей: уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-розыскная, уголовно-предупредительная и уголовно-исполнительная политика» [9, с. 70]. Такой подход представляется вполне приемлемым и позволяет конструктивно решить ряд проблем, относящихся к предмету уголовной политики, поскольку она испытывает постоянное воздействие не только социальной, но и всех других направлений внешней и внутренней политики государства. В частности, внешняя политика так же, как и экономическая, и общеправовая политика влияют на содержание уголовной политики не только при определении общих начал уголовной ответственности, но и при установлении круга деяний, признаваемых преступлениями. Например, вопрос о пределах действия российского уголовного закона в пространстве и отношении иностранных граждан, а также проблемы борьбы с международным терроризмом, угоном воздушного судна, наказания военных преступников или выдачи преступников (экстрадиции) во многом обусловлены внешней политикой; либерализация уголовной ответственности за общественно опасные посягательства в сфере экономической деятельности тесно связана с экономической политикой и т. п.

Обладая относительной самостоятельностью, уголовная политика оказывает обратное воздействие на те или иные направления общей политики, поэтому она не может быть полностью подчинена интересам экономики, хотя в конечном счете и обусловлена ею.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что для раскрытия содержания современной уголовной политики особое значение имеют законодательство, образующее уголовно-правовой комплекс, и

деятельность правоохранительных органов по его применению. Именно здесь практически реализуются политические идеи, взгляды и представления по вопросам противодействия преступности и находит свое выражение выработанная политическая линия в этой области. Будучи законодательно закрепленными, требования уголовной политики обретают императивность, становятся общеобязательными велениями, причем основные принципы и установки уголовной политики находят свое воплощение главным образом в уголовном праве, а ее воздействие на другие отрасли, образующие уголовно-правовой комплекс, происходит чаще всего не непосредственно, а опосредованно, через уголовное же право путем решения уголовно-правовых вопросов. К тому же и объект уголовной политики — преступность — явление не только криминологическое, но и уголовно-правовое. Как справедливо отмечает М. М. Бабаев, «уголовно-правовая политика криминологична, а криминологическая политика нормативна, и в этом — залог и условие эффективности каждой из них» [10, с. 6]. В связи с этим уголовное право, концентрируя в себе положения уголовной политики, обретает политическое содержание и в наибольшей степени способствует проведению в жизнь генеральной линии, выработанной государством в сфере противодействия преступности. Но усиление противодействия преступности как одна из сложнейших социальных проблем предполагает и решение ряда иных специфически правовых или собственно профессиональных вопросов, непосредственно не относящихся к уголовной политике, определяющей только ее «самые верхние ряды», «верхние этажи» (например, вопросы совершенствования частных методик применения технических средств на предварительном следствии, организации взаимодействия между отдельными сотрудниками органов внутренних дел при раскрытии совершенных преступлений и т. п.).

Российская уголовная политика определяет основные направления деятельности государственных органов и общеправовости в сфере противодействия преступности таким образом, чтобы при этом проводилась в жизнь и общая политическая линия на создание правового государства, на то, чтобы строго и неуклонно соблюдать законность, всемерно охранять интересы личности, общества и государства на основе принципов равенства граждан перед законом и судом, гуманизма и справедливости. Эти обстоятельства и обуславливают отношение уголовной политики к одному из центральных вопросов — вопросу о значимости уголовной ответственности и ее роли в противодействии преступности на современном этапе развития России, ведь, в сущности, практика применения норм отраслей права, входящих в уголовно-правовой комплекс, сводится к решению вопросов, связанных с установлением основания уголовной ответственности или условий освобождения

от нее либо с ее пределами, а также порядком ее реализации. При этом от того, насколько убедительно определены в законе основание уголовной ответственности, ее объем и пределы, во многом зависит не только эффективность противодействия преступности, но и проведение в жизнь политической линии по дальнейшей демократизации и гуманизации российского общества, обеспечению прав и свобод личности и созданию правового государства.

Российская уголовная политика исходит из того, что из всех находящихся в ее распоряжении средств, направленных на борьбу с преступностью, уголовная ответственность обладает самой высокой степенью репрессивности, поэтому она не является самоцелью в противодействии преступности, а представляет собой объективно обусловленное и вынужденное средство, которое необходимо разумно и с осторожностью использовать в современных условиях развития страны.

Наряду с определением содержания уголовной политики не менее важен и вопрос, касающийся особенностей ее реализации. Хотя выделить в уголовной политике два ее компонента — содержание и реализацию — можно лишь условно в целях более глубокого и детального ее рассмотрения. Такая условность объясняется наличием тесной генетической связи между рассматриваемыми понятиями, поскольку в демократическом обществе провозглашенные политические требования в сфере противодействия преступности, выступая содержанием уголовной политики, непосредственно реализуются в законодательстве, образующем уголовно-правовой комплекс, и практике его применения, а также используются при социальном планировании мер противодействия преступности, в правовом воспитании и правовой пропаганде. Но эти понятия, несмотря на их тесную связь, не тождественны и обладают относительной самостоятельностью, так как политические аспекты противодействия преступности, определяющие содержание уголовной политики и ее основные направления, во многом обуславливают и особенности методов и средств ее реализации.

Общие вопросы реализации уголовной политики уже получили достаточно глубокую научную разработку в опубликованных исследованиях А. И. Александрова, М. М. Бабаева, Н. А. Беляева, А. И. Бойко, С. В. Бородин, С. С. Босхолова, П. С. Дагеля, Н. И. Загородникова, И. А. Исмаилова, В. Н. Кудрявцева, Н. А. Лопашенко, Ю. И. Ляпунова, Г. М. Миньковского, Н. А. Стручкова и др. Вместе с тем отдельные стороны этой проблемы, в частности вопрос о роли уголовной ответственности в реализации уголовной политики, еще продолжают оставаться в юридической науке «белыми пятнами». Многие здесь до сих пор еще неясно, спорно, поэтому рассматриваемые вопросы не могут считаться выясненными и окончательно решенными. Можно указать, например, что до настоящего времени в исследованиях, посвященных

уголовной политике, отсутствует единообразие в использовании терминов, употребляемых для обозначения процесса проведения уголовной политики в жизнь. Так, еще во второй половине XX в. С. В. Бородин, Н. И. Загородников, Н. А. Стручков, характеризуя в своих работах процесс претворения в жизнь политики в области борьбы с преступностью, применяли термин «реализация уголовной политики» [11, с. 28; 12, с. 79—81; 13, с. 28]. В. А. Владимиров и Ю. И. Ляпунов использовали в этих целях иное понятие — «формы закрепления и выражения содержания уголовной политики» [14, с. 16, 17]. Однако они, наряду с вновь введенным ими понятием, употребляли при пояснении своей концепции и термин «формы реализации уголовной политики», рассматривая их в одном значении как синонимы [14, с. 34].

По нашему мнению, более точным, следовательно, и приемлемым для обозначения такого важного социального процесса, как проведение в жизнь политики в сфере противодействия преступности, является термин «реализация уголовной политики», потому что он в большей степени подчеркивает ее действительность, результативность.

В то же время представляется неоспоримой позиция В. И. Мамичева, который саму уголовную политику определяет в качестве «одной из форм осуществления правовой политики» [15, с. 148]. На наш взгляд, уголовная политика не форма осуществления, а один из структурных элементов единой политики государства.

В теоретическом плане, по нашему мнению, для правильного определения понятия реализации уголовной политики важно выявить содержание, пределы и формы рассматриваемого процесса. Для этого представляется целесообразным сформулировать сначала общее понятие реализации уголовной политики.

Полагаем, что реализация (от лат. *realis* — вещественный) уголовной политики есть ее проведение в жизнь посредством правотворческой деятельности государства (в первую очередь в сфере отраслей права, образующих уголовно-правовой комплекс) и основанной на законе и осуществляемой под контролем государства правоприменительной деятельности правоохранительных органов с использованием социального планирования мер противодействия преступности, а также правового воспитания и правовой пропаганды при широком участии общественности в этих процессах.

Такое определение понятия «реализация уголовной политики», как представляется, позволяет судить и о сущности реализации, и о ее правовых формах, и о пределах этого процесса, что дает возможность рассматривать реализацию как относительно самостоятельный компонент по отношению к уголовной политике в целом наряду с ее содержанием.

В качестве относительно самостоятельного правового средства реализации уголовной политики выступает и уголовная ответственность. Но, характеризуя формы реализации уголовной политики целесообразно учитывать, что выделение в том или ином явлении его формы и содержания во многом определяется уровнем абстрагирования, на котором это явление исследуется, поэтому оно всегда в известной мере условно и носит отпечаток целей исследователя. Еще 50 лет назад А. Ф. Шебанов отметил, что «в известных отношениях и условиях содержание правового явления может выступать как форма, а форма — как содержание другого явления» [16, с. 12]. Именно в силу этого обстоятельства вопрос о формах реализации уголовной политики до сих пор не решен в юридической науке однозначно.

Представляется, что наиболее приемлемой является систематизация форм реализации уголовной политики, основанная на «вычленении» в этом процессе специфических, однородных по своему характеру и юридическим последствиям видов деятельности, обеспечивающей проведение уголовной политики в жизнь (Н. А. Беляев, Н. И. Загородников, А. В. Наумов и др.).

В. С. Комиссаров отмечал, что «непосредственной целью уголовного правотворчества является создание такого уголовного закона, который максимально отражал бы состояние и потребности общества и был бы способен эффективно воздействовать на регулируемые им общественные отношения» [17, с. 20].

Получив свою реализацию в законе, а точнее, в конкретных правовых нормах, уголовная политика уже с использованием уголовной ответственности в качестве своего «инструмента» проводится в жизнь как выработанная государством генеральная линия в сфере противодействия преступности в процессе правоприменительной деятельности, направленной на практическое осуществление уголовной ответственности в случаях совершения конкретного преступления. В свою очередь, правоприменительная деятельность правоохранительных органов по проведению в жизнь выработанных уголовной политикой положений об уголовной ответственности тоже строго регламентирована законом. В этом заключается своеобразие использования уголовной ответственности в качестве важнейшего средства реализации уголовной политики — уголовная ответственность определяется лишь законом и осуществляется только на основе закона [18, с. 24—27]. Будучи главным каналом воздействия государственной власти на социальную жизнь через механизм правового регулирования, а в связи с этим и главным каналом придания выработанной уголовной политике юридической силы, правотворческая деятельность выступает важнейшей формой ее реализации.

Конечно же, вырабатывая уголовную политику, российское государство учитывает, что в современном

обществе преодоление негативных социальных явлений, в том числе преступности, связывается прежде всего с развитием экономики, укреплением материально-технической базы, дальнейшим повышением материального благосостояния российских людей, ростом их культуры и сознательности, поэтому решающими факторами, обеспечивающими последовательное сокращение преступности выступают общесоциальные меры экономического, культурного, организационного и воспитательного характера. В этом смысле уголовное право, конечно же, не является основным средством преодоления преступности, хотя и играет в решении этой задачи немаловажную роль, особенно на современном этапе развития России с учетом крайне неблагоприятной криминогенной обстановки.

Как один из структурных элементов общей политики уголовная политика призвана содействовать достижению главных задач государства, в первую очередь совершенствованию общественных отношений, но посредством осуществления определяемых ею в сфере противодействия преступности специальных мер и с учетом тех социально-экономических мер, которые воздействуют на причины и условия (детерминанты) преступности.

Еще в 80-е г. XX в. В. Н. Кудрявцев справедливо отмечал, что «кроме борьбы с преступностью есть и другие, не менее важные государственные и общественные интересы... Вот почему цели и средства уголовной политики (и уголовной юстиции как ее инструмента) должны формулироваться в известных рамках с учетом других задач государства, а также побочных последствий осуществления уголовной политики» [19, с. 125]. Действительно, вряд ли можно найти такую область социальной действительности, на которую бы не влияли законодательные и правоприменительные решения в сфере противодействия преступности особенно решения, связанные с изменением объема или пределов уголовной ответственности. Например, федеральные законы от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ и от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, введя новые виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), внесли существенно новые элементы в уголовную политику, проводя твердую и последовательную линию на уменьшение степени «репрессивности» уголовной ответственности в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести особенно в сфере экономической деятельности. Эти новые элементы уголовной политики, выражающие ее демократические и гуманистические начала, получив свое законодательное закрепление, значительно увеличивают возможности органов правосудия по индивидуализации уголовной ответственности, поскольку новое уголовное законодательство, с одной стороны, сокращает сферу применения лишения

свободы, а с другой — расширяет применение иных, не связанных с лишением свободы мер уголовно-правового характера. Реализация уголовной политики в этом направлении, наряду с решением своих непосредственных задач прежде всего усиления противодействия преступности, в известной мере учитывает и более общие цели и задачи всей социальной системы в целом (в частности, проблемы трудовых ресурсов, миграционные процессы, брачно-семейные отношения и т. п.).

Таким образом, правотворческая и правоприменительная деятельность как формы реализации уголовной политики в первую очередь предназначены для обеспечения эффективного и целенаправленного воздействия уголовного законодательства на социальные и экономические процессы, происходящие в жизни нашего государства, что обусловлено необходимостью изменения уголовно-правового регулирования и надлежащей охраны постоянно совершенствующихся общественных отношений в условиях создания правового государства. В области уголовно-правового регулирования правотворчество сводится главным образом к законодательной деятельности, поскольку единственным источником российского уголовного права является уголовный закон.

В отличие от других отраслей права в уголовном праве помимо собственно законодательной деятельности все остальные формы правотворчества представлены незначительно, хотя и имеют место (например, толкование законодателем принятых ранее уголовных законов, кодификация уголовно-правовых норм, уголовно-правовой «законодательный» эксперимент). В связи с этим особое значение приобретают исследования социальной обусловленности уголовного закона.

На наш взгляд, сегодня не теряет своей актуальности идея о том, что «законодатель ... должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений» [20, с. 162].

Можно отметить и то, что на современном этапе социально-политического развития России действующие нормы права, в том числе уголовно-правовые, вряд ли способны обеспечить эффективность достижения задач правового регулирования в условиях нестабильного законодательства.

Реализация любого вида юридической ответственности особенно уголовной предполагает в первую очередь законность и обоснованность установления ее основания — наличия состава преступления, содержащегося в совершенном лицом деянии, а этому в значительной степени способствует стабильность правовой регламентации ответственности в уголовном законе.

Стабильность (от лат. *stabilis* — устойчивость) уголовного законодательства является его

необходимым свойством и означает его определенное устойчивое состояние в течение более или менее длительного времени, неизменяемость при неизменности тех общественных отношений, которые уголовный закон призван охранять и регулировать. Тем не менее стабильность уголовного законодательства, по нашему мнению, не может быть связана только с его устойчивостью и постоянством и вовсе не означает независимости уголовного закона от каких бы то ни было обстоятельств и невозможности его корректировки при изменении характера охраняемых и регулируемых им общественных отношений. Такой односторонний, чисто догматический подход к пониманию стабильности как имманентно присущего уголовному закону качества при проведении его в практику законотворческой деятельности повлек бы за собой то, что на определенном этапе развития общества сам уголовный закон перестал бы быть «законом». Со временем он перестал бы отвечать интересам общественной практики, требующим постоянного соответствия действующих законов характеру охраняемых и регулируемых общественных отношений.

Дело в том, что уголовные законы, отвечающие объективным условиям жизни общества в момент их принятия, через некоторое время могут перестать это делать, поскольку общество не стоит на месте, оно развивается и видоизменяется. В связи с этим есть все основания для вывода о том, что стабильность уголовного законодательства не исключает, а наоборот, предполагает внесение в отдельные законы соответствующих изменений и дополнений в целях адекватного отражения в них реальных социальных условий жизни общества на данный исторический момент. В силу этого стабильность уголовного законодательства, на наш взгляд, не должна противопоставляться его динамизму, она предполагает его.

С учетом изложенного стабильность уголовного законодательства можно определить как нахождение его в устойчивом состоянии по отношению к характеру существующих общественных отношений, объективно требующих уголовно-правового регулирования и охраны, не исключающее, а предполагающее его дополняемость (корректировку) при значительном изменении содержания охраняемых и регулируемых отношений в соответствии с общими началами, принципами и смыслом уголовного права.

Стабильность уголовного законодательства как необходимое его качество не отрицает, а лишь ограничивает корректировку уголовно-правовых норм, поскольку основой изменений уголовного закона не может выступать разовое, «сиюминутное» удовлетворение какой-то вновь возникшей общественной потребности. Единственным основанием для внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство могут быть только такие, вновь

возникшие или существенно изменившиеся общественные отношения, которые требуют своего урегулирования или изменения регулирования и охраны именно нормами уголовного права, поэтому между действующим уголовным законодательством и объективными интересами и потребностями постоянно развивающегося общества всегда существует относительное несовпадение. Оно объясняется тем, что, с одной стороны, определенная группа общественных отношений в силу изменения своего характера обуславливает необходимость соответствующей корректировки (а иногда и отмены) регулирующих и охраняющих их уголовно-правовых норм, а с другой — возникает или значительно развивается новая группа общественных отношений, еще не урегулированных уголовным законом, но требующих именно уголовно-правового урегулирования и охраны. В этом и проявляется диалектическое противоречие между стабильностью уголовного закона и динамичностью развития общества. Тождества действующего уголовного законодательства характеру регулируемых и охраняемых им общественных отношений, его абсолютного совпадения с объективными интересами и потребностями общества (даже без учета влияния субъективных факторов) быть не может, как и вообще не может быть права, зеркально отражающего реальную действительность. В связи с этим последние законодательные решения, реализованные в федеральных законах от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ и от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ представляются далеко не во всем обоснованными и соответствующими стабильности уголовного законодательства.

Выделение в УК РФ самостоятельных привилегированных составов «мелкого коммерческого подкупа» и «мелкого взяточничества» (ст. 204.2 и 291.2 УК РФ) лишь по одному признаку — размеру подкупа или взятки, не превышающему десяти тыс. руб., — вряд ли криминологически обосновано и согласуется с таким важнейшим направлением уголовной политики, как усиление противодействия коррупции. Кроме того, существенное ужесточение уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями при выполнении оборонного заказа и выделение самостоятельных квалифицированных составов (ст. 201.1 и 285.1 УК РФ) тоже представляется небесспорным. Во всяком случае, такая дифференциация ответственности вполне могла быть проведена путем включения в уже имеющиеся в УК РФ ст. 281 и 285 соответствующих квалифицирующих признаков.

Не менее важной формой реализации уголовной политики является правоприменительная деятельность. Главным и определяющим здесь служит ее социально-политический аспект, позволяющий обеспечить проведение в жизнь вытекающих из уголовной политики и «включенных» в правовые нормы политических предписаний с учетом конкретной жизненной ситуации [21, с. 61—66]. В этом плане

в качестве самой значимой можно отметить роль судебной деятельности как одной из важнейших форм проведения в жизнь российской уголовной политики. Не прибегая к детальной характеристике различных уровней судебной деятельности, укажем лишь, что на высшем уровне судебной деятельности для правоприменительной практики неопределима роль разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, по вопросам применения уголовного закона.

Наиболее ответственным участком в правоприменительной деятельности судов является процедура назначения наказания. Это связано с тем, что именно при решении вопросов о назначении наказания особенно широки возможности судебных органов. Здесь уголовная политика в части своих положений об уголовной ответственности реализуется в наивысшей степени. Наказание индивидуализирует уголовную ответственность, придает ей конкретный объем, определяет ее временные границы (пределы), поэтому при решении вопроса о виде и размере наказания, применяемого к конкретному лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, сама уголовная ответственность обретает свое основное реальное выражение. Справедливая индивидуализация уголовной ответственности обуславливает проведение в жизнь уголовной политики, но в то же время решение этого вопроса зависит во многом от того, насколько однозначно понимают уголовную политику субъекты правоприменительной деятельности, в частности, судебные органы.

Смягчение уголовной ответственности за менее опасные преступления и ее ужесточение за тяжкие и особо тяжкие, ограничение краткосрочного лишения свободы и более широкое назначение вместо него наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, — все это является практической реализацией уголовной политики в судебной деятельности.

Российская уголовная политика находит свое выражение в процессе раскрытия и расследования преступлений особенно в деятельности правоохранительных органов: Следственного комитета Российской Федерации, прокуратуры, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, других государственных органов, в задачи которых входит противодействие преступности. Не прибегая к подробному анализу этой деятельности, отметим лишь, что важнейшим условием реализации уголовной политики является координация взаимодействия всех звеньев правоохранительной системы, а также государственных органов и общественности.

Реализация уголовной политики должна осуществляться в строгом соответствии с законодательством в сфере противодействия преступности. Ее формами, имеющими подчиненное

значение по отношению к правоприменительной и правотворческой деятельности, но тем не менее относительно самостоятельными, выступают, как уже отмечалось, социальное планирование мер противодействия преступности и правовая пропаганда, правовое воспитание. Российская уголовная политика должна находить свое отражение в общественном и индивидуальном сознании, а также в воспитательной работе как с сотрудниками правоохранительных органов, так и с гражданами. Отсюда вытекает необходимость использования в процессе реализации уголовной политики правовой пропаганды и правового воспитания. Эти, хотя и относительно самостоятельные формы реализации уголовной политики, в отличие от правотворчества и правоприменения, реализующих политику на всех уровнях и во всех аспектах, лишены столь всеобъемлющего начала и имеют по отношению к законодательной и правоприменительной деятельности подчиненное значение, они как бы «обслуживают» их, внося тем самым свой вклад в реализацию уголовно-политических требований.

Планирование мер противодействия преступности, основанное на уголовно-правовом и криминологическом прогнозировании, также может быть признано относительно самостоятельной формой реализации уголовной политики.

Все выделенные нами формы в реальной действительности образуют единый процесс, направленный на проведение в жизнь выработанной российским государством уголовной политики. В рамках этого процесса отдельные формы реализации уголовной политики, дополняющие друг друга, тесно связанные между собой, взаимообусловленные, по каким бы критериям (основаниям) они не выделялись, применяются всегда в их совокупности.

Только в целях более глубокого и разностороннего научного исследования и лишь условно в реализации уголовной политики могут быть выделены относительно самостоятельные формы ее «бытия», отличающиеся друг от друга по характеру деятельности, направленной на проведение уголовной политики в жизнь, а также по ее субъектам, осуществляющим эту деятельность, и по используемым ими правовым и иным средствам.

На современном этапе развития российского государства уголовная политика становится все более динамичной и гибкой. Она определяется, исходя из конкретной складывающейся в стране исторической, социально-экономической и криминологической обстановки, с учетом объективно происходящих в стране экономических и социальных изменений. Эта политика своевременно указывает на необходимость новых подходов к противодействию тем или иным общественно опасным деяниям, посягающим на наиболее значимые социальные ценности (общественные отношения).

Таковы наиболее важные формы реализации уголовной политики, к которым авторы относят: правотворческую

деятельность, правоприменение, социальное планирование мер противодействия преступности, правовое воспитание и правовую пропаганду.

Бойко А. И. Уголовная политика : учеб. пособие. Ростов-н/Д, 2008.

Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб., 2013.

Александров А. И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука. 2016. С. 12—19.

Зинченко И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 9. С. 86—92.

Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.

Стручков Н. А. Социальная политика социалистического государства и правовые нормы об исполнении наказания // Комплексная разработка проблем исполнения наказания: сб. науч. трудов Всесоюзного науч.-исслед. ин-та МВД СССР. М., 1979. № 50. С. 3—15.

Загородников Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 1979.

Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 48—55.

Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003.

Бабаев М. М. О криминологической составляющей уголовной политики // Криминологический журнал. 2008. № 2. С. 5—10.

Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977. С. 24—36.

Загородников Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979.

Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.

Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М., 1979.

Мамичев В. Н. Уголовная политика как одна из форм осуществления правовой политики в Российской Федерации // Вестник СЕВКАВГТИ. 2015. № 3. С. 148—151.

Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012.

Сенцов А. С., Волколупова В. А. Общетеоретические подходы к определению эффективности уголовной ответственности и ее

1. Boyko A. I. Criminal Policy. Textbook. Rostov-on-Don, 2008.

2. Alexandrov A. I. Evil Philosophy and Crime Philosophy (Issues on Law Philosophy, Criminal Policy and Criminal Process). St. Petersburg, 2013.

3. Alexandrov A. I. Criminal Law Policy and Criminal Procedural Policy of Modern Russia: Concept and Topical Problems // Scientific School of Criminal Process and Criminalistics of St. Petersburg State University and Modern Legal Science. 2016. Pp. 12—19.

4. Zinchenko I. A., Trapitsyn A. Yu. Criminal Policy: Concept, Problems and Perspectives // Vestnik of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. No 9. Pp. 86—92.

5. Belyaev N. A. Criminal Law Policy and Ways of its Implementation. Leningrad, 1986.

6. Struchkov N. A. Social Policy of the Socialist State and Legal Norms on the Execution of Punishment // Complex Development of the Problems of the Punishment Execution. Collection of Scientific Works of the All-Union Research Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR. Moscow. 1979. No 50. Pp. 3—15.

7. Zagorodnikov N. I. Soviet Criminal Policy and Activities of the Law Enforcement Agencies. Textbook. Moscow, 1979.

8. Zagorodnikov N. I., Struchkov N. A. Directions of the Study of the Soviet Criminal Law // Soviet State and Law. 1981. No 7. Pp. 48—55.

9. Alexandrov A. I. Criminal Policy and Criminal Process in the Russian Statehood: History, Modernity, Perspectives, Problems. St. Petersburg, 2003.

10. Babayev M. M. On the Criminological Component of Criminal Policy // Criminological Journal. 2008. No 2. Pp. 5—10.

11. Borodin S. V. Theoretical Problems of the Soviet Criminal Policy // XXV Congress of the CPSU and Further Strengthening of the Socialist Legality. Moscow, 1977. Pp. 24—36.

12. Zagorodnikov N. I. Soviet Criminal Policy and Activity of Law Enforcement Agencies. Moscow, 1979.

13. Struchkov N. A. Soviet Correction-Labor Policy and its Role while Fighting Crimes. Saratov, 1970.

14. Vladimirov V. A., Lyapunov Yu. I. Soviet Criminal Policy and its Reflection in the Acting Legislation. Moscow, 1979.

15. Mamichev V. N. Criminal Policy as a Form of Implementation of Law Policy in the Russian Federation // Vestnik of SEVKA VGTI. 2015. No 3. Pp. 148—151.

16. Shebanov A. F. The Form of Soviet Law. M., 1968. Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook / ed. by V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova. Moscow, 2012.

18. Sentsov A. S., Volkolupova V. A. General-Theoretical Approaches to Determine the Effectiveness of Criminal Responsibility and its Criteria // Russian Investigator. 2016. No 14. Pp. 24—27.

критериев // Российский следователь. 2016. № 14. С. 24—27.

Кудрявцев В. Н. Эффективность правовых норм. М., 1980.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 1.

Волколупова В. А., Сенцов А. С. Проблемы индивидуализации уголовной ответственности на досудебной и судебной стадиях (этапах) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 61—66.

© Сенцов А. С., Волколупова В. А., 2018

19. Kudryavtsev V. N. Efficiency of Legal Norms. Moscow, 1980.

20. Marx K., Engels F. Written Works. The 2nd ed. Moscow, 1955. V. 1.

21. Volkolupova V. A., Sentsov A. S. Problems of Individualization of Criminal Responsibility at Pre-Trial and Trial Stages // Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. No 3 (38). Pp. 61—66.

© Sentov A. S., Volkolupova V. A., 2018